

Советский школьник как читатель зарубежной литературы (по страницам дневника Ивана Хрипунова 1937–1941 гг.)

© 2023 С.И. Быкова

Soviet Schoolboy as a Reader of Foreign Literature: Ivan Khripunov's Diary, 1937–1941

© 2023 Svetlana I. Bykova

УДК 82.-01

https://doi.org/10.54791/27823792_2023_4_223_244

Информация об авторе:

Светлана Ивановна Быкова, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: sibykova@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется проблема читателя и чтения в свете дискуссий ученых и писателей, а также представлен конкретный опыт освоения литературных произведений советским школьником – активным читателем, мечтавшим стать писателем и художником. Для него литература – особенно зарубежная – была средством эстетического, нравственного и интеллектуального развития, способом выхода за пределы жизни, полной трудностей и проблем. В качестве материала исследования используется архивный эго-документ – дневник школьника Ивана Хрипунова.

Ключевые слова: «советское чтение», зарубежная литература, эго-документы, дневник, советская школа 1930-х гг., история крестьянства в 1930-е гг., советское детство 1930-х гг., Иван Хрипунов.

Information about the author:

Svetlana I. Bykova, PhD in History, Associate Professor, Department of Foreign Regional Studies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. E-mail: sibykova@mail.ru

Abstract: The article focuses on the problem of the reader and the readings in the light of discussions between scholars and writers, and also analyzes the specific experience of comprehending and interpreting literary works by a Soviet schoolboy, an avid, interested reader who dreamed of becoming a writer and artist. For him literature, especially foreign literature, was a means of aesthetic, moral and intellectual development, a way of going beyond the limits of his everyday life full of difficulties and problems. The research is based on the archival ego-document – Ivan Khripunov's diary.

Keywords: “Soviet reading”, foreign literature, ego-documents, diary, Soviet school in 1930s, history of peasantry in 1930s, Soviet children in 1930s, Ivan Khripunov.

В гуманитарных исследованиях интерес к истории литературы и истории чтения имеет давнюю традицию. Одной из тем, активно обсуждавшейся учеными и писателями, являлась проблема читателя. В частности, Герман Гессе в статье «Магия книги» (1930), обратив внимание на всеобщее образование и массовое книжное производство, отметил: «Навык чтения сегодня могут приобрести все, но лишь немногие <...> станут читателями»¹. В одной из более ранних статей писатель характеризовал типы читателей: наивный, образованный (или «хороший») и самостоятельный. Подчеркнув, что «каждый из нас в какое-то время относился к одной, а в какое-то время – к другой группе», Г. Гессе сформулировал тезис о неразрывной связи уровня читательских навыков и личностной идентификации: по его мнению, только читатель третьего уровня является личностью, он «в такой мере самостоятелен, что в своем отношении к книге совершенно свободен»².

Роже Шартье, цитируя «блестящий текст» Мишеля де Серто о читателях-путешественниках, которые «кочуют по чужим землям, браконьерствуют на полях, написанных не ими», воспринял образ «читателя-браконьера», но выступил против прямой детерминированности культурных практик (в т.ч., практик чтения) социальными контрастами. Признавая относительность свободы читателей, он акцентировал внимание на их компетентности, горизонте восприятия текстов, индивидуальном читательском опыте: «Отнюдь не все, кто способен читать тексты, читают их одинаково: глубокая пропасть отделяет просвещенных читателей-виртуозов от читателей неискусных»³. Возражая Мишелю Фуко, ученый настаивал на применении термина «апроприация» в сфере социальной истории навыков и интерпретаций, уделяя главное внимание плюрализму использования и понимания культурных элементов, особенностям освоения текстов⁴.

Умберто Эко, признавая духовную, образовательную и практическую функцию литературы, с большим вниманием исследовал отношения в треугольнике «писатель-текст-читатель». Анализируя темы многозначности текста и уровней чтения, ученый ввел несколько категорий читателя – «обыкновенный» (или наивный), искусственный, образцовый семантический, образцовый семиотический, или эстетический⁵. Как и Р. Шартье, он отметил возможность изменения читательского статуса. Размышляя

¹ Гессе Г. Магия книги. Эссе о литературе. СПб.: Лимбус-пресс, 2022. С. 35–36.

² Там же. С. 49.

³ Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006. С. 125, 127, 129–130, 133, 142.

⁴ Там же. С. 199, 203.

⁵ Эко У. О литературе. М.: Corpus, 2016. С. 268, 272–273, 275.

о функциях литературы, У. Эко предложил изобретательную игру с гипертекстом как возможность избежать двух форм репрессии – «подчинения чужим решениям и проклятого разделения общества на читателей и писателей»¹. Советская власть также ориентировалась на преодоление дистанции «читатель-писатель», но имела цель, противоположную идеям итальянского мыслителя, – ее главной задачей было формирование нового человека, имеющего мировоззрение и систему ценностей строителя социализма. Евгений Добренко, исследуя особенности функционирования литературы и практик советского чтения, обращает внимание на стремление власти сформировать не только идеального писателя, но и идеального читателя².

Илья Калинин, продолжая указанные направления исследований «советского чтения», акцентирует внимание на феномене культурной колонизации в раннее советское время – на практиках принуждения советского субъекта к речи и письму³. Йохен Хелльбек анализирует дневники 1930-х гг. как один из видов эго-документов, отражающих процесс формирования советского мировоззрения: по его мнению, записи, как правило, являлись средством конструирования себя, «Я-лабораторией»⁴. Илья Герасимов характеризует советский период как враждебный исповедальным записям⁵. Тем не менее, реальная ситуация была более мозаичной, а дневники советского периода имели множество вариаций. Вариативность предопределяли объективные и субъективные факторы: социальный статус и окружение автора, его желание и возможность делать регулярные записи, осознание автором цели и функций письма.

Например, Викторин Ефимов, будучи студентом Уральского индустриального института в 1932–1936 гг., начал вести дневник, так как «постоянная жизнь на виду» полностью лишала человека автономности:

¹ Эко У. О литературе. С. 9–26.

² Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997; Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999.

³ Калинин И. Становление советского субъекта: колонизация колонизаторов // Транслит. Литературно-критический альманах. 2012. № 10-11. С. 30–41.

⁴ Хелльбек Й. Жизнь, прочтенная заново: самосознание русского интеллигента в революционную эпоху // Новое литературное обозрение. 2012. № 4 (116). С. 375; Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 25.

⁵ Герасимов И. «Удовлетворяя идеалу будущего»: дневники Екатерины Сахаровой как поиски будущего в прошлом (1905–1919) // Ab Imperio. 2015. № 1. С. 234.

записи в обычной тетради, по его мнению, создавали пространство личной свободы и предоставляли возможность быть наедине с собой¹. 14-летний школьник Иван Хрипунов начал в 1937 г. делать записи в блокноте, который подарил ему старший брат, с намерением наблюдать за погодой, но постепенно пришел к мысли о необходимости записывать и свои размышления, и события, происходившие в семье, в школе, в станице, в стране².

Иван характеризовал записи как «повествование о <...> жизни, в правдивости которого можно не сомневаться». Неоднократно он подчеркивал, что дневник содержит «самые точные факты» о его жизни, жизни семьи и «окружающих обывателей»: «Это не искусство, а самая реальная жизнь». Важной функцией записей Иван считал сохранение происходивших событий для будущего: «Я утешаю себя мыслью, что смогу прочесть когда-нибудь» о «прошедших днях моей жизни, которые, может быть, изглядятся временем»³. В одном из комментариев, он объяснил начало ведения записей удивившим его сообщением об открытии свободной торговли в соседнем селении. Особая историческая чувствительность Ивана, понимание им значимости происходившего очевидны во всех последующих записях. Кроме того, он воспринимал дневник как «товарища», который всегда был рядом и «верную службу служил». Следует предположить, что возможность поведать дневнику свои «горечи и немногочисленные радости» была для Ивана чрезвычайно важна, поскольку при переезде семьи он расстался с Анатолием, своим единственным настоящим другом.

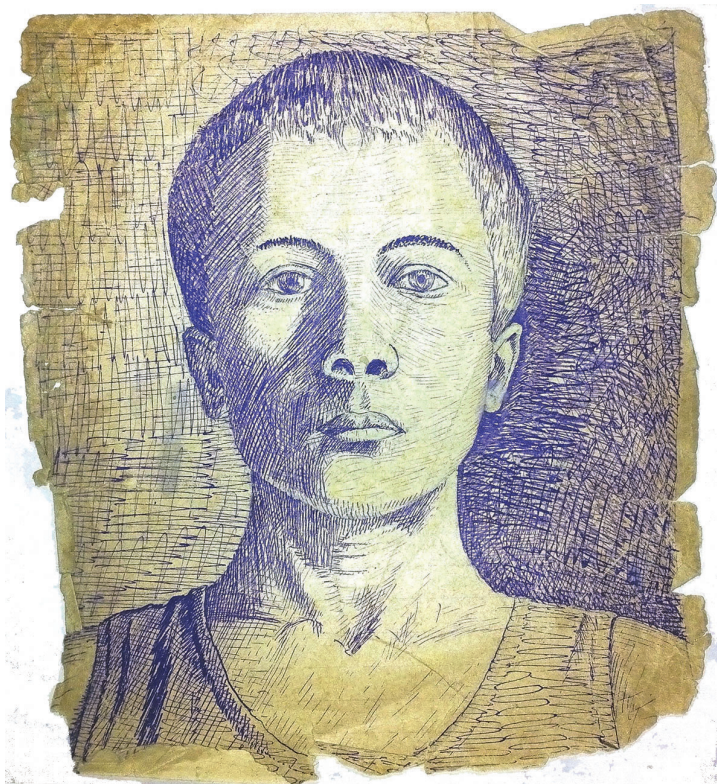
Иван родился в 1923 г. в семье крестьянина Ивана Ефремовича Хрипунова, жителя хутора Пришиб Царицынской губернии (позднее – Сталинградская область). Никаких особых биографических предпосылок, объясняющих, почему этот мальчик решил вести дневник, не было. Историки, изучающие судьбу российского крестьянства, отмечают, что даже воспоминания крестьян остаются исключительной редкостью, а дневники – совсем «маргинальное» явление крестьянской культуры⁴. Дневниковые записи Иван продолжал до 4 ноября 1941 г. – до момента его мобилизации на трудовой фронт по строительству оборонительных рубежей под Ростовом, а затем –

¹ Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20790 (конверт).

² Иван Хрипунов. Дневники 1937–1941 годов / авт.-сост., науч. ред., вступ. статья, сост. указ. С.И. Быкова. М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 488 с.

³ Здесь и далее текст дневника публикуется в аутентичном варианте.

⁴ На сердце пали все печали. Судьбы крестьян в XX веке. Воспоминания / Ред.-сост. А. Щербаков. М.: Издательство Agey Tomesh, 2019. С. 8; Кознова И.Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М.: РОССПЭН, 2016. С. 48.

Автопортрет. Рисунок И. Хрипунова.

в действующую армию. Согласно сведениям ОБД «Мемориал», Иван дважды числится пропавшим без вести: 8 марта 1942 г. на Миус-фронте и 3 июля 1942 г. в Севастопольском оборонительном районе.

Сохранившийся в семье Павла, старшего брата Ивана, архив включает два блокнотика дневников, тетради с его стихами, конспектами и рассказом «Как я учился в совхозе», альбом и отдельные листы с рисунками. Несколько рисунков, иллюстрирующих записи, размещены на страницах дневника. Рисунки были сделаны, по признанию Ивана, для того, чтобы запомнить «ту местность и общество, в которых жил». Для исследователей они являются не только свидетельством его несомненного художественного таланта, но, как и записи, – источником по истории чтения в 1930-е гг.: на рисунках Ивана – портреты писателей, события их жизни и фрагменты сюжетов литературных произведений. Самые многочисленные рисунки яв-

ляются иллюстрациями собственных стихов Ивана, которые он записывал в отдельную тетрадь, и они, к сожалению, не были включены в опубликованное издание дневников.

Историческая ситуация, с одной стороны, способствовала увлечению Ивана, как и его сверстников: школьные уроки литературы, активное открытие библиотек, пропаганда чтения оказывали сильное воздействие на подрастающее поколение. Влияние литературы на подростков было значительным и иногда – прямо противоположным ожиданиям педагогов. В частности, некоторые из школьников использовали свои знания о персонажах художественных произведений при создании тайных организаций. Например, в Ленинградской области в 1930-е гг. существовал «Отряд красных спартаковцев» – под флагом с серпом, молотом и надписью «Будь таким, как Спартак!» его участники отбирали деньги у детей, шедших в магазин без взрослых¹.

В истории советского чтения имеются уникальные случаи, когда арестованные подростки шокировали следователей, называя книги главным фактором их «антисоветской деятельности». Среди таких свидетельств об удивительных переплетениях судьбы человека и книг очень интересны воспоминания Ольгерда Волинского, родители которого, польские коммунисты, были репрессированы в 1937 г. После расстрела отца и ареста матери мальчика отправили в специальный детский дом в Ульяновске. Несмотря на трагедию, Ольгерд сохранил любовь к чтению и пытался писать стихи. Несправедливость в отношении родителей вызывала не только протест, но и ненависть к Сталину, сотрудникам НКВД. В одном из стихотворений, посвященных памяти родителей, он написал: «Всегда я буду мстить / Тем, кто смел вас посадить».

В 1942 г., когда Ольгерду было 13 лет, он начал вести «свою личную войну с советской властью»: на листах, вырванных из школьной тетради, он писал листовки и ночью расклеивал их на заборах и воротах разных учреждений. По почерку Ольгерда быстро нашли и арестовали. Во время допроса мальчик был честен:

На вопрос «Кто тебя толкнул на такую деятельность?» я ответил: «Книги». Следователь подскочил: «Какие книги?».

¹ Риттершпорн Г.Т. Формы общественного обихода молодежи и установки советского режима в предвоенном десятилетии // Нормы и ценности повседневной жизни в 1920-1930-е годы. СПб.: Журнал «Нева», 2000. С. 352.

Ольгерд совершенно искренне назвал «Как закалялась сталь», так как Павка Корчагин, боровшийся против несправедливости, был его любимым героем, как и у многих советских детей¹, включая Ивана².

С другой стороны, в жизни Ивана Хрипунова существовали реальные препятствия не только для ведения записей, но и для «читательской деятельности». Во-первых, крестьянская культура, несмотря на радикальные изменения в 1920–1930-е гг., сохранила многие традиционные черты. Например, Иван несколько раз отметил в записях, что не только родные, но и случайные люди, оказавшиеся в доме, выражали беспокойство о здоровье подростка, много времени проводившего за чтением и письмом. Например, 12 декабря 1938 г. он с сожалением и возмущением записал мнение одного из знакомых:

... перед уходом он при мне рассказал отцу неприятный рассказ, который не следовало бы и описывать. Но так как я описываю с 1937 г. все подробности моей жизни, то невольно придется описать. Он рассказал, что знал одного пацана, как я, который отлично занимался, вечера просиживал над книгами, но потом стал мешаться умом (сдувая воображаемую с предметов пыль) и сошел с ума.

Взрослый человек предупреждал Ивана, чтобы с ним не случилось такой же истории, «надо больше на воздухе быть».

Данный эпизод произошел после 21 ноября, когда Иван отметил в дневнике, что «мать и отец бранят» за чтение книг и переживают, «... будто я от этого потеряю зрение». Частое повторение предупреждений свидетельствует о том, что образ жизни Ивана не был принят в крестьянской среде. Иван понимал это и неоднократно на страницах дневника сравнивал себя с другими станичными подростками, которые «были большими озорниками и хулиганами, крали в огородах овощи, устраивали драки», не желали учиться, нарушали правила поведения в школе, грубо относились к девочкам. Чтение позволяло Ивану расширить горизонт жизненного мира, познакомиться с опытом многих персонажей и сфор-

¹ *Берберыуш Е.* Голос из ГУЛАГа. Беседы с Ольгердом Волынским. М.: Валент, 2000. С. 31–32, 36.

² Иван в одной из самых пространственных записей о литературных произведениях отметил, что второй раз прочитал «Как закалялась сталь» и вновь сравнивал себя с главным героем, умевшим согласовать «свою волю с действием», «быть выдержанным», твердым, – т.е. обладал чертами характера, о которых автор дневника только мечтал.

мировать представление о «правильных» нравственных ориентирах. В ответ на предостережения он не только заявлял о своем праве на чтение, но отмечал особое чувство радости и веселья после прочтения книг и посещения библиотеки.

Помимо предубеждений, свойственных крестьянской культуре, препятствием для увлечений Ивана были объективные условия существования. Во-первых, дефицит самого необходимого для письма: «... чернила плохие, расходятся на бумаге, а перо дерет бумагу, как хороший плуг землю: перо исписалось, стерлось в иголку, а перьев вот уже полгода нет в магазинах». Во-вторых, существовали и другие проблемы: в частности, Ивану приходилось писать в полумраке, поскольку лампа освещала очень малый участок стола – мощность имевшейся в доме семилинейной керосиновой лампы равна мощности современной электрической лампочки в 15 вт. Суммируя все сложности, он с огорчением констатировал: «Все тормозит моей работе в заполнении дневника, свирепо шепчет со всех сторон: “Брось писать. Ложись лучше, себя не мучай и керосин не жги”». Тем не менее, желание зафиксировать впечатление от прочитанной книги и перемены, произошедшие за последние дни, помогало преодолеть сон и другие трудности.

Описывая общий культурный и политический фон эпохи, Иван фиксировал новые законы, принятые высшими органами власти, записывал рутинные моменты школьной жизни, проблемы в профессиональной деятельности отца, сестры и брата, с вниманием и тревогой отмечал состояние здоровья родных. Одной из важных тем записей были переезды семьи: с января 1937 г. до августа 1940 г. Хрипуновы сменили четыре места проживания в поисках селения, где, по словам отца, «будет хлеб и школа». Можно предположить, что в дневнике не указана еще одна причина, – переезжали и из-за опасений нового ареста отца, сбежавшего из ссылки, куда он был отправлен в 1930 г. после раскулачивания семьи.

При переездах семье из шести человек приходилось снимать комнаты в домах у станичников, поэтому жизненное пространство, которым мог располагать каждый член семьи, было очень ограниченным. Тетради и книги школьников, Ивана и его сестры Раи, а также дневник находились на столе и могли быть доступны для чтения всем – это обстоятельство оказало сильное влияние на форму записи. С 20 июня 1939 г. Иван начал записывать самое важное, сокровенное, лично значимое на немецком языке (стоит уточнить: многие русские слова, которые он не мог перевести на немецкий, написаны латинскими буквами). Однажды для записи был использован метод зеркального отражения.

В отличие от взрослых авторов дневников, понимавших опасность своего занятия¹, Иван с непосредственной откровенностью описывал негативные факты советской повседневности, называя дневник свидетелем и ориентируясь на достоверную фиксацию происходившего. Описывая трудное существование своей семьи и односельчан, несправедливое отношение колхозников к матери и сестре как к «кулакам», опасные поездки за хлебом в Ростов и Краснодар, постоянное недоедание и связанное с этим подавленное состояние, Иван считал одной из важнейших ценностей и тем дневниковых записей чтение, книги и свое «литературное творчество». С этой точки зрения дневник Ивана представляет собой уникальное явление, на страницах которого отражены сложные взаимосвязи между литературными произведениями и социальным миром, между символическим господством и читательскими практиками. Р. Шартье, продолжая сравнение чтения и письма, начатое Мишелем де Серто, характеризовал чтение как культурную практику, «которая редко оставляет следы»: «...письмо, консервативное, фиксированное, устойчивое, противопоставлено чтению, всегда эфемерному, ускользающему»². Текст дневника школьника позволяет исследовать особенности чтения и рецепции литературных произведений в раннее советское время. Игорь Гулин, поэт, литературный критик, отметил второй аргумент, подтверждающий уникальность дневника Ивана: это дневник мальчика, который мечтает стать писателем³.

На страницах дневника представлена история Ивана как читателя. Он признался в одной из записей, что начал активно читать в июле 1938 г. благодаря своему другу Анатолию. До этого Иван считал, что чтение книг мешает заниматься школьными предметами:

Но потом увидел, что книги не только не мешают учебе, но даже помогают ей. Когда же я прочел в библиотеке первые книги, я увлекся ими и с этого времени стал читать их всегда. Чтение книг стало моей болезнью. Я даже за едой читал книги.

Действительно, в тексте дневника часто повторяются фразы: «читал книгу до рассвета»; «придя домой, я сел читать книгу и читал до утра»; «во время летних каникул помогал отцу сапожничать, выполнял домашние

¹ *Аржиловский А.А.* Дневник 36–37 годов // Урал. 1992. № 3. С. 159; *Маньков А.Г.* Дневники 30-х гг. СПб.: Европейский Дом, 2001. С. 197.

² *Шартье Р.* Письменная культура и общество. С. 125.

³ *Гулин И.* Лучшие дневники. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5218773>.

работы, читал книги»; «за 7 дней взял [в библиотеке] 8 книг»; «вечером долго сижу за книгами».

При переездах семьи Иван в первые же дни пребывания в новом месте записывался в библиотеку. Посетив ее, он описывал в дневнике правила и режим работы, сравнивал с библиотекой прежнего места жительства. В одной из школьных библиотек приходилось стоять в очереди – Иван считал главной причиной такой ситуации медленную работу библиотекаря и выражал на страницах дневника недовольство. Ценностные приоритеты Ивана отражает фраза о комсомольском собрании, на которое он пошел с книгой: «надо же чем-нибудь развлечь себя на шесть, а то и больше часов».

Навыки чтения и умение формулировать мысли помогали Ивану учиться на «отлично» – по окончании каждого учебного года он получал похвальную грамоту. Несмотря на смену школ и необходимость адаптироваться к новому коллективу и новым требованиям учителей, Иван быстро завоевывал авторитет одноклассников и уважение учителей. В дневниковых записях 8 февраля 1939 г. и 30 декабря 1940 г. Ивана зафиксировал требования учителей написать заметки о его успехах в газету (в т.ч., для областной газеты «Дети Октября»). Отличавшийся скромностью Иван отказывался, но после повторных требований ему приходилось писать, «как добился отличной учебы». Иван признавался в дневнике, что «очень утомился», работая над первой статьей. Кроме того, он был редактором и художником школьных стенных газет – такие разные формы деятельности способствовали повышению грамотности, развитию творческих навыков и собственного стиля.

Важным стимулом активного чтения и расширения кругозора была мечта поступить в художественное училище, стать художником, как Ивану советовали многие, видевшие его рисунки. Параллельно он писал о желании стать писателем. Дневник Ивана свидетельствует, как изменялась его риторика и взгляд на мир. Одним из главных факторов интеллектуального развития и ироничного восприятия официального дискурса была литература, отношение к которой в Советском Союзе изменялось в течение 1930-х гг. неоднократно. В 1932 г. после запрета деятельности Российской ассоциации пролетарских писателей, отрицавшей значение всей классической литературы по причине ее «классовой враждебности», произошли значительные перемены в отношении к литературе прошлых эпох и к зарубежной литературе – началось издание журнала «Иностранная книга»; в «Литературной газете» появились публикации о культуре и литературе зарубежных стран (в т.ч., в постоянной рубрике «Литературный Нью-Йорк»),

печатались даже восторженные статьи о представителях западного авангарда (Джойс, Дос Пассос, Пикассо, французские сюрреалисты). В переводной статье газеты «Правда» «О стиле советского искусства» 29 апреля 1935 г. в качестве образцов для советских писателей назывались Бальзак, Гёте, Шекспир и Толстой¹.

Однако изменения в профессиональной литературе практически не отразились на преподавании литературы в школе – учебники по литературе, изданные во второй половине 1930-х гг., ориентировали на изучение русской классики, содержали канонизированный набор имен, представляя историю литературы как часть идеологической борьбы, а тексты художественных произведений – как политические декларации. О значимости литературы как средства идеологического влияния на подрастающее поколение свидетельствовало издание журнала «Литература в школе»². В школьной программе помимо классических произведений русских и советских писателей было предусмотрено изучение Ж.-Б. Мольера, Дж. Г. Байрона, О. Бальзака.

Дневниковые записи Ивана Хрипунова подтверждают внимание в школьной программе к русской классике – он называет темы некоторых сочинений, предлагаемых учителями на обычных уроках и на испытаниях: в частности, за сочинения «Биография Ленского» и «Образ Чичикова» он единственный в классе получил «отлично»; из двух тем контрольного сочинения («Второстепенные члены романа “Отцы и дети” и их роль в композиции романа» и «Образ Базарова») Иван выбрал первую. Интересны его размышления в 8 классе по теме «Параллель между молодежью 30-х годов XIX века и молодежью 30-х годов XX века» – понимая ее сложность, Иван сразу же отметил, что стихотворения М. Лермонтова «Дума» и «1-е января» «можно будет связать с нашей действительностью». В данном выборе очевидна критическая интенция, предопределенная особенностями жизни и характера Ивана, осознававшего противоречивость советской действительности на собственном опыте.

На страницах дневника Ивана встречаются упоминания книг всех русских классиков; для характеристики актуальной ситуации или описания собственного настроения он использует цитаты М. Лермонтова, Л. Толстого, Д. Бедного. Именами персонажей, ставших нарицательными, – «Подхалюзин», «Хлестаков», «Липочка» – он называет школьников,

¹ *Кларк К.* Москва, четвертый Рим. Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 202–204.

² *Добренько Е.* Формовка советского читателя. С. 71, 130–131, 137–139, 142; *Пономарев Е.Р.* Созидание советских учебников по литературе. От М.Н. Покровского к Г.А. Гуковскому // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 39–77.

как мальчиков, так и девочек, не вызывавших у него симпатий. К себе Иван не менее критичен – сравнивает себя с Обломовым и Онегиным, мечтает иметь характер как у Павки Корчагина. Однако, за исключением повести Н. Островского «Как закалялась сталь», произведения русских и советских писателей не являются предметом серьезной рефлексии Ивана. В тексте дневника пространные комментарии относятся к произведениям зарубежных авторов. Впрочем, стоит отметить, что в большинстве случаев Иван указывал лишь названия как русских, так и иностранных книг, констатируя – «взял в библиотеку» / «сдал в библиотеку» или «прочитал» / «сейчас читаю». Иногда комментарий предельно лаконичен: например, о комедиях Ж.-Б. Мольера – «очень понравились», а о романе Ч. Диккенса «Домби и сын» – «это такая скучная, неувлекательная книга».

Советская власть стремилась контролировать процесс формирования мировоззрения, не только регламентируя подбор книг для издания, определяя авторов подписных и серийных изданий, но и изучая читателя. По результатам исследования читательских предпочтений подростков, проведенного в 1926–1927 гг., среди любимых тем мальчиков на первом месте – приключения и путешествия; общие любимые книги – «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Приключения Тома Сойера» М. Твена, «Дети капитана Гранта» Ж. Верна, «Кожаный чулок» Ф. Купера¹. Если принять во внимание опыт чтения Ивана, то во второй половине 1930-х гг. ситуация практически не изменилась. Вспоминая свои читательские пристрастия, он записывает в сентябре 1941 г.:

Особенно я увлекся приключенческой литературой – признак моих, еще детских, взглядов и интересов. Я был поклонником Жюль Верна и считал его самым гениальным писателем во всем мире. Я с замиранием сердца читал «Детей капитана Гранта», «Таинственный остров», «Из пушки на луну», «Шесть недель на воздушном шаре», «Пятнадцатилетний капитан», «Вверх дном»....

Помимо произведений Ж. Верна, на страницах дневника Иван указывает много других прочитанных книг о приключениях и путешествиях, среди прочих: «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо, «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Фина» Марка Твена, «Гулливер в стране лилипутов и великанов» Джонатана Свифта, «Всадника без головы» Майна Рида, «Остров сокровищ» Ричарда Стивенсона, «Юный бур из Трансвааля»² Августа Нимана, «Северные рассказы» и другие произведения Джека Лондона.

¹ Добренко Е. Формовка советского читателя. С. 70.

² Такое название книги указано в дневниковой записи. Полное название: «Питер Мариц – юный бур из Трансвааля».

Иллюстрации к роману «Следопыт» Ф. Купера. Рисунки И. Хрипунова.

В дневнике не назван «Следопыт» Фенимора Купера, но сохранился рисунок Ивана по сюжету книги. Приключенческая литература выполняла образовательную функцию, расширяя кругозор читателей, и позволяла выйти за пределы реальности, полной трудностей и лишений. Дети в разных регионах страны читали и перечитывали такие книги. Андрей Аржиловский, раскулаченный крестьянин, после ссылки переселившийся с семьей в Тюмень, наблюдая за своими детьми (которые, как и Иван, не имели нормальных условий проживания, хорошего питания, необходимых одежды и обуви), отметил в дневнике 18 января 1937 г., что сын Геннадий «зачитывается Ж. Верном. Грубая жизнь немного сглаживается хорошими фантазиями»¹.

Иван, открыв для себя Жюль Верна, возвращается к его творчеству в дневниковых записях несколько раз. В частности, прочитав в августе 1941 г. романы Г.Дж. Уэллса «Когда спящий проснется», «Первые люди на Луне» и «Война миров», он записал свои впечатления: «Романы показались мне увлекательными, однако не такими, как романы Жюль Верна». 10 сентября 1941 г. Иван, вспоминая, как ему понравилась книга, отправился на фильм «Дети капитана Гранта» с надеждой получить удовольствие, но был очень разочарован увиденным и после просмотра записал: «Мои ожидания не оправдались... Много интересных мест из книги не было показано на экране».

В сентябре, получив повестку, Иван решил написать автобиографию, в которую было включено эмоциональное описание судьбы отца, сосланного после раскулачивания в Сибирь, «к северу от Томска», где на тяжелых работах он стал инвалидом. С трудом передвигаясь и не имея возможности самостоятельно вернуться домой, отец просил родных приехать за ним. По свидетельству Ивана, с большим трудом сестра отца, «тетя Дарья нашла этого Гранта». Примечательно, что для характеристики отца он использует имя любимого героя из любимого произведения любимого писателя. Тем не менее, продолжая размышлять о реальной жизни и литературе, Иван приходит к огорчительному выводу:

Отец много раз рассказывал о своей ссылке, о тех мучениях, которые он там перенес. Я прочел уже много книг и нигде не видел таких страданий, которые были бы равны страданиям отца. Если бы кто написал об этом книгу, она была бы лучше надуманных романтических походов героев Жюль Верна.

¹ *Аржиловский А.* Дневник 36–37 годов. С. 150. 18 января 1937 г.

Весьма жесткую критику в марте 1940 г. записал Иван в отношении авторского стиля и сюжета «Истории Тома Джонса, найденыша» Генри Филдинга. Сатирическая направленность романа не была воспринята Иваном: «слишком много внимания уделяется» любовным интригам, другим похождениям, вкусным обедам, пьянству – «о чем-нибудь дельном ничего не говорится». Герои показались Ивану «какими-то нереальными». В обращениях автора к читателям он не увидел никакой ценности – по мнению Ивана, они «разрывают целостность произведения». В результате одному из интересных романов XVIII в. юный советский читатель вынес суровый приговор: «...я никак не дождусь того дня, когда [эта книга] наконец будет прочитана». На мой взгляд, приоритет реализма, пропагандируемый на школьных уроках литературы, не позволил Ивану оценить талант Г. Филдинга.

Совершенно противоположное мнение Иван записал в апреле 1940 г. после прочтения «Отца Горио» Бальзака. Начиная описание своих впечатлений, он отметил, что французский писатель является современником Пушкина – видимо, этот факт был важен с его точки зрения. Книга, несмотря на печальный конец, очень понравилась Ивану «своим реализмом», оставила «чувство презрения к высшему кругу и глубокого уважения и сочувствия к бедному Горио», разорившемуся ради своих дочерей. Краткий отзыв свидетельствует об эмоциональной вовлеченности Ивана в судьбу персонажей книги: «Когда я читал ее, я глубоко переживал невзгоды и редкие удачи главных героев. Особенно тяжелое впечатление произвел на меня печальный конец Горио». Учитывая жизненный опыт Ивана, можно предположить, что ему оказались очень близки не только тема отцовской любви, но и проблема социальной несправедливости и сложности человеческих отношений, представленные в романе Бальзака и актуальные для советского подростка.

Другая важная тема, волновавшая Ивана, – формирование характера, воспитание самостоятельности, ответственности, смелости и решительности, нашла отражение во внимательном прочтении не только романа Н. Островского «Как закалялась сталь», но и романа «Овод». Отметив, что «книга, написанная английской писательницей Этель Лилиан Войнич, описывает борьбу общества “Молодая Италия”, организованного Мадзини, за изгнание австрийцев и воссоединение Италии», Иван много строк посвятил целеустремленности и выносливости Артура в его борьбе за свободу Италии.

Анализируя литературные произведения, Иван проводил параллели или противопоставление творчества русских и зарубежных писателей.

Ответ на один из самых волновавших его вопросов – отношение к девушкам, проблемы влюбленности, о которых он писал на страницах дневника, – был сформулирован через сравнение русской и зарубежной культурной традиции:

Любовь – веселый дар природы и без любви нет смысла жить. Любовью все живут народы, – говорит песня. Это будет правильно, если говорить о любви мужчины к женщине, о любви юноши к девушке. Но и эта любовь также разная. За границей любовь – главная цель жизни. Там любят открыто, не стыдятся называть слово «Любовь». Там любят объясняться в любви, устраивать любовные свидания, целоваться много раз, говорить пылкие слова, клясться, не спать ночей и думать о любимом человеке. Так описывают любовь западные писатели. У нас любовь – второстепенное дело. Главное – общественная работа. Здесь слово «Любовь» называют редко. Нет здесь настоящей любви.

Именно данный фрагмент был записан Иваном в зеркальном отражении.

Чтение книг было важным занятием для самообразования Ивана. В частности, прочитав книгу американского писателя Джеймса Уилларда Шульца «В скалистых горах», он выписывает в дневник новые слова и оригинальные географические названия:

Скальпы (кожа человека, снимаемая индейцами-победителями с голов побежденных), бизоны (звери вроде коров), медведи гризли (серые, нападающие на людей медведи), койоты (волки прерий), обсидиан (вулканический камень наподобие стекла, из него делают наконечники для стрел), лоси, куницы, кролики, путешествие по Спинному Хребту Мира (так индейцы называли Скалистые горы), вигвамы (шатры у индейцев из кожи), плавание по Большой реке (Миссури).

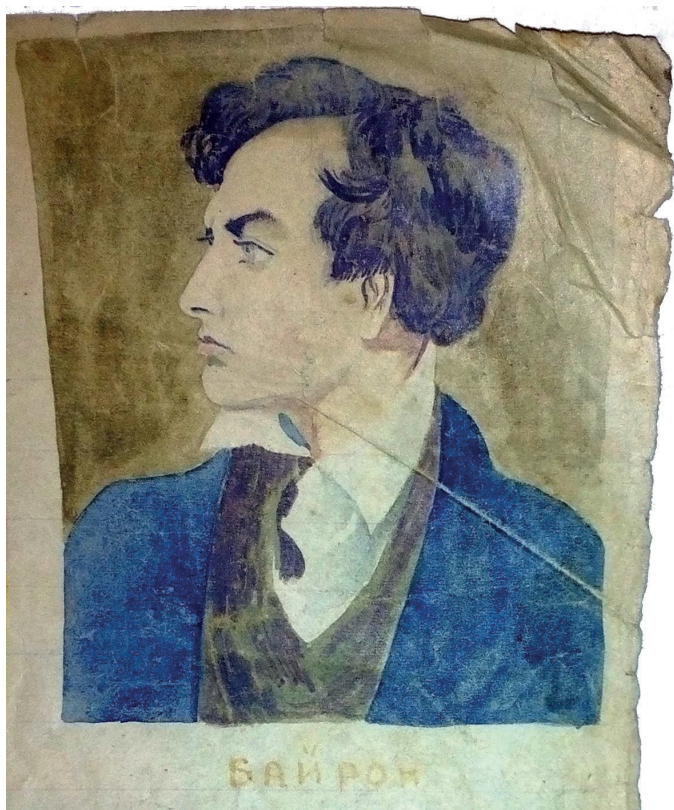
Выписанные слова и их объяснения не могут не вызывать удивления у современного читателя, т.к. Иван учился уже в 9 классе. В дневниковых записях он признавался, что стремился постоянно расширять свой лексикон и выражал сожаление, что освоение русского языка оказывается очень трудным – его изучением он занимается в школе, а дома говорит «как попало». Причина такой ситуации заключалась в особенностях семейной коммуникации – родители, общаясь с детьми, как правило, говорили на украинском языке. Чтение классической литературы и записи в дневнике были для Ивана дополнительным ресурсом в решении проблемы с осво-

ением русского языка. Свидетельством его целеустремленности является записанный в дневник словарь философских, политических, литературоведческих и исторических терминов, а также конспекты всего прочитанного, о которых Иван упоминает в записях (к сожалению, из них сохранились только конспекты по истории).

Перечисляя на страницах дневника иностранные книги, которые произвели на него впечатление, Иван указывает, что помимо приключенческой литературы с большим увлечением читал и исторические романы, в т.ч., «Марсельцы» Феликса Гра, «Айвенго» Вальтера Скотта, «Лже-Нерон» Лидона Фейхтвангера, «Труженики моря» и «Человек, который смеется» Виктора Гюго, «Борьба за огонь» Жозефа Рони-старшего, «Жерминаль» и «Разгром» Эмиля Золя. Иногда на страницах дневника появляются названия книг, запрещенных в Советском Союзе: такие свидетельства позволяют приоткрыть тайные (для многих) страницы истории «советского чтения». В частности, в записи 6 октября 1941 г. Иван отметил, что взял в библиотеке сборник новелл западноевропейского писателя N («Амок», «Легенда о сестрах-близнецах», «Письмо незнакомки» и др.). Установить автора не составляет особого труда – сборники новелл Стефана Цвейга издавались в СССР дважды – в 1929 г. и в 1936 г. После того, как писатель в 1937 г. выступил с критикой репрессий, организованных Сталиным, его произведения были запрещены. Благодаря записанному Иваном названию новеллы «Мендель-букинист» можно утверждать – он читал сборник 1936 г., т.к. в предыдущее издание указанную новеллу включить не успели.

Второй пример книги без автора в этой же записи – роман «Стальные ребра», написанный в 1928 г. Иваном Макаровым (1900–1937) и посвященный электрификации села. Именно после этого издания писатель стал известным, но его произведения 1930-х гг. не соответствовали официальной точке зрения (особенно роман «Миша Курбатов» 1936 г. о строительстве Магнитки). В 1937 г. И.И. Макаров был объявлен врагом народа и расстрелян. Некоторые исследователи считают, что он стал жертвой целенаправленной акции уничтожения крестьянских поэтов и писателей «есенинского круга». И.И. Макарова реабилитировали только в 1956 г., после этого некоторые его произведения были переизданы («Записки тюремного надзирателя», «Рейд Черного Жука», «Миша Курбатов»).

Ивану Хрипунову удалось прочесть его роман в 1941 г., как и новеллы С. Цвейга, так как сельский библиотекарь догадался удалить обложки книг, титульный лист и страницы с фамилией автора. На мой взгляд, наличие двух книг запрещенных авторов в таком виде не предполагает случайности. Понимая политику власти и методы деятельности НКВД, авторы, читатели

Дж.Г. Байрон. Рисунок И. Хрипунова.

и сотрудники библиотек стремились сохранить запрещенные книги – одним из вариантов было сокрытие авторства. Подобная практика, как и другие, была распространена в ситуации регулярных чисток библиотек, проводившихся в конце 1920-х – 1930-е гг.¹

Стоит отметить, что среди книг, прочитанных Иваном и указанных на страницах дневника, названы биографии писателей (Ж.-Б. Мольера, Дж. Г. Байрона, В. Гюго, Г.Дж. Уэллса) и ученых. Желая выяснить методи-

¹ Быкова С.И., Демаков И.Н. Особенности практик «советского чтения» в 1930-е годы // Homo legens в прошлом и настоящем : сборник материалов IV Международной научно-практической конференции 23–25 марта 2023 г. Нижний Тагил, Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2023. С. 20–25.

ку писательского ремесла, он читал не только биографии, но и специальные журналы (в т.ч., «Творчество», изданные в 1918–1920 гг.). Он стремился стать всесторонне образованным человеком и целенаправленно готовил себя к труду писателя и художника, понимая необходимость энциклопедичности кругозора: «Жажда к знаниям у меня была необычайно большой. Ее может понять тот, кто любит науку». На страницах дневника упоминаются не только научно-популярные издания (в т.ч., «Знаете ли Вы физику?» Якова Перельмана, «Тайны стекла», «Враг под микроскопом»), но и книги зарубежных ученых (например, «Стоит ли им жить?» известного американского бактериолога Поля де Крюи, переведенная и изданная в СССР в 1937 г.).

Иван Хрипунов, мальчик из крестьянской семьи, мечтая стать писателем и художником, осознал значимость чтения и использовал все возможности для получения доступа к книгам: большую их часть он получал в библиотеках, записываясь как в школьную, так и в другие библиотеки, имевшиеся в селении; некоторые книги Ивану давали учителя и знакомые; редкие книги были куплены. В калейдоскопическом собрании прочитанных им книг – не только произведения, входившие в советскую литературную антологию, но и не являвшиеся широко известными и популярными. Особенное значение имела для Ивана иностранная литература. На последних страницах дневника в рассказе «Смерть Василия Реброва», написанного Иваном под впечатлением от поездки в военкомат г. Ростова, главная героиня Юлия Карнес восторженно отвечает юноше, признавшемуся ей, что он мало читал:

Жаль, жаль! Не знать сочинения Вальтер Скотта, Дюма, Марк Твена, Стендаля, Гюго, Жюль Верна, Бальзака, Лондона, Толстого – ведь это значит жить в темноте и не видеть вокруг себя ничего. Я даже не представляю, как можно жить без книг!

Среди перечисленных в цитате писателей преобладают зарубежные авторы, и данное соотношение не случайно – словами героини своего рассказа Иван вновь смог признаться в особом отношении к их творчеству. Несмотря на встречающиеся факты действительности официального дискурса в восприятии литературных произведений, в дневниковых записях отражено стремление Ивана к самостоятельному осмыслению прочитанного. Дневниковый текст свидетельствует также о практическом значении литературы – ее роли в повышении уровня грамотности, расширении словарного запаса, в изменении мировоззрения и даже в мечте о будущей профессии. Кроме того, важен и коммуникативный аспект: описывая свой

опыт преодоления замкнутости и стеснительности, Иван отметил значение литературных персонажей – как героя советского романа Павла Корчагина, так и борца за свободу Италии Артура Бертон из романа английской писательницы.

Лишь упоминание названий двух книг в дневнике Ивана позволяет реконструировать не только историю «опасного письма», но и опасного «советского чтения» в 1930-е гг.: книги запрещенных авторов должны были передаваться в спецхраны или уничтожаться. В случае обнаружения запрещенных произведений в личном пользовании или в публичной библиотеке владельцу, читателю или сотрудникам библиотеки могли быть предъявлены обвинения в антисоветской агитации или контрреволюционной деятельности, за которые закон предусматривал лишение свободы или даже высшую меру наказания¹. Тем не менее, любовь к книге и понимание важности чтения помогли современникам Ивана найти способы сохранения запрещенных изданий. Таким образом, дневник советского школьника позволяет изучить не только «потайные практики простолюдина-одиночки», как об этом мечтал Р. Шартье², но и модели читательского поведения других людей в сложную эпоху.

Литература

Берберыуи Е. Голос из ГУЛАГа. Беседы с Ольгердом Волинским. М.: ТОО «Валент», 2000.

Быкова С.И. «Мир чтения» в условиях несвободы // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2009. № 6 (68). С. 51–68.

Быкова С.И., Демаков И.Н. Особенности практик «советского чтения» в 1930-е годы // Ното legens в прошлом и настоящем : сборник материалов IV Международной научно-практической конференции 23–25 марта 2023 г. Нижний Тагил, Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2023. С. 20–25.

Герасимов И. «Удовлетворяя идеалу будущего»: дневники Екатерины Сахаровой как поиски будущего в прошлом (1905–1919) // *Ab Imperio*. 2015. № 1. С. 213–246.

Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб. Академический проект, 1999.

Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997.

¹ *Быкова С.И.* «Мир чтения» в условиях несвободы // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2009. № 6 (68). С. 51–68.

² *Шартье Р.* Письменная культура и общество. С. 142.

Калинин И. Становление советского субъекта: колонизация колонизаторов // Транслит. Литературно-критический альманах. 2012. № 10-11. С. 30–41.

Кларк К. Москва, четвертый Рим. Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931-1941). М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Кознова И.Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М.: РОССПЭН, 2016.

Маньков А.Г. Дневники 30-х гг. СПб.: Европейский Дом, 2001. С. 197.

На сердце пали все печали. Судьбы крестьян в XX веке. Воспоминания / Ред.-сост. А. Щербаков. М.: Издательство Agey Tomesh, 2019.

Пономарев Е.Р. Созидание советских учебников по литературе. От М. Н. Покровского к Г. А. Гуковскому // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 39–77.

Руттершпорн Г.Т. Формы общественного обихода молодежи и установки советского режима в предвоенном десятилетии // Нормы и ценности повседневной жизни в 1920–1930-е годы. СПб.: Журнал «Нева», 2000. С. 347–367.

Хельбек Й. Жизнь, прочтенная заново: самосознание русского интеллигента в революционную эпоху // Новое литературное обозрение. 2012. № 4 (116). С. 374–384.

Хельбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006.

References

Berberyush, E. *Golos iz GULAGa. Besedy s Ol'gerdom Volynskim [Voice from the Gulag. Conversations with Olgerd Volynsky]*. Moscow: Ltd. Valent Publ., 2000. (In Russ.)

Bykova, S.I. “Mir chtenija’ v uslovijah nesvobody.” [“The world of reading’ under the conditions of lack of freedom.”] *Neprikosnovennyj zapas: debaty o politike i kul'ture* 6 (2009): 51–68. (In Russ.)

Bykova, S.I., Demakov, I.N. “Osobennosti praktik ‘sovetskogo chtenija’ v 1930-e gody.” [“Specific features of ‘Soviet reading’ in the 1930s.”] *Homo legens v proshlom i nastojashhem : sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 23–25 marta 2023 g. [Homo legens in the past and present. Proceedings of the IV International scholarly and practical conference, March 23–25, 2023]* Nizhnij Tagil, Ekaterinburg: UrGPU Publ., 2023: 20–25. (In Russ.)

Chartier, R. *Pis'mennaja kul'tura i obshhestvo [Written culture and society]*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, publ., 2006. (In Russ.)

Clarke, K. *Moskva, chetvertyj Rim. Stalinizm, kosmopolitizm i jevoljucija sovetskij kul'tury (1931–1941) [Moscow, the fourth Rome. Stalinism, cosmopolitanism and the evolution of Soviet culture (1931–1941)]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. (In Russ.)

Dobrenko, E. *Formovka sovetского chitatelja. Social'nye i jesteticheskie predposylki recepcii sovetской literatury* [Molding of the Soviet reader. Social and aesthetic prerequisites for the reception of Soviet literature]. Saint-Petersburg: Akademicheskij proekt publ., 1997. (In Russ.)

Dobrenko, E. *Formovka sovetского pisatelja. Social'nye i jesteticheskie istoki sovetской literaturnoj kul'tury* [Molding of a Soviet writer. Social and aesthetic origins of Soviet literary culture]. Saint-Petersburg: Akademicheskij proekt publ., 1999. (In Russ.)

Gerasimov, I. “Udovletvorjaja idealu budushhego’: dnevniki Ekateriny Saharovoj kak poiski budushhego v proshlom (1905-1919).” [“Meeting the ideal of the future’: Ekaterina Sakharova’s diaries as a search for the future in the past (1905–1919)”] *Ab Imperio* 1 (2015): 213–246. (In Russ.)

Hellbeck, J. *Revoljucija ot pervogo lica: dnevniki stalinskoj jepohi* [Revolution from the first person: diaries of the Stalin era]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. (In Russ.)

Hellbeck, J. “Zhizn’, prochtennaja zanovo: samosoznanie russkogo intelligenta v revoljucionnuju jepohu.” [“Life read a new : the self-awareness of the Russian intellectual in the revolutionary era.”] *Novoe literaturnoe obozrenie* 4 (2012): 374–384. (In Russ.)

Kalinin, I. “Stanovlenie sovetского sub'ekta: kolonizacija kolonizatorov.” [“Formation of the Soviet subject: colonization of the colonialists.”] *Translit. Literaturno-kriticheskij al'manah* [Translit.Literary Critical Almanach] 10-11 (2012): 30–41. (In Russ.)

Koznova, I.E. *Stalinskaja jepoha v pamjati krest'janstva Rossii* [The Stalin era in the memory of the Russian peasantry]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2016. (In Russ.)

Man'kov, A.G. *Dnevniki 30-h gg* [Diaries of the 30s]. Saint-Petersburg: Evropejskij Dom Publ., 2001. (In Russ.)

Na serdce pali vse pechali. Sud'by krest'jan v XX veke. Vospominanija [All the sorrows fell on my heart. The fate of peasants in the twentieth century. Memories], ed. A. Shherbakov. Moscow: Agey Tomesh Publ., 2019. (In Russ.)

Ponomarev, E.R. “Sozidanije sovetских učebnikov po literature. Ot M.N. Pokrovskogo k G.A. Gukovskomu” [“Creation of Soviet textbooks on literature. From M.N. Pokrovsky to G.A. Gukovsky.”] *Voprosy literatury* 4 (2004): 39–77. (In Russ.)

Rittershporn, G.T. “Formy obshhestvennogo obihoda molodezhi i ustanovki sovetского rezhima v predvoennom desjatiletii.” [“Forms of social behavior of young people and the attitudes of the Soviet regime in the pre-war decade.”] *Normy i cennosti povsednevnoj zhizni v 1920–1930-e gody*. Saint-Petersburg: Zhurnal Neva Publ., 2000: 347–367. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию: 02.07.2023

Received: 02.06.2023

Дата публикации: 30.08.2023

Published: 30.08.2023